

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК-343.1(019)

Бакланов Игорь Спартакович

профессор Северо-Кавказского
университета, доктор философских
наук, профессор
(г. Ставрополь)

Baklanov Igor Spartakovich

Professor of the North Caucasus
State University, Doctor of
Philosophical Sciences, Professor
(Stavropol)

Бакланова Ольга Александровна

доцент Северо-Кавказского
университета, кандидат
философских наук, доцент
(г. Ставрополь)

Baklanova Olga Alexandrovna

Associate Professor of the North
Caucasus State University,
Candidate of Philosophical Sciences,
Professor (Stavropol)

**ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА
ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ:
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

**THE PROBLEM OF THE SUBJECT
OF HISTORICAL COGNITION:
PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

Аннотация:

В статье рассматривается историческое познание, предметом изучения берется субъект исторического познания в философском аспекте. Философский анализ исследовательской деятельности субъекта исторического познания, производимый в рамках исторической эпистемологии, выступает как попытка переосмысления феномена субъективности вообще и как поиск выхода из тупиков субъективизма. Субъект познания в своем стремлении к познанию исторического в данной исследовательской проекции понимается как интегратив, результирующий вектор, в котором переплетаются

Abstract:

The article deals with the historical knowledge; the subject of study is the subject of the historical knowledge in the philosophical aspect. The philosophical analysis of the research activity of the subject of historical knowledge, made within the framework of historical epistemology, appears as an attempt to reconsideration of the phenomenon of subjectivity in general and as a search for a way out of the dead ends of subjectivism. The subject of cognition in its quest for the historical knowledge in this research projection is understood as an integrative, the resultant vector in which sociocultural and historical circumstances and determinants are intertwined. The special role of language and also literary

социокультурные и исторические обстоятельства и детерминанты. Показана особенная роль языка, а также литературных приемов и средств, которые становятся инструментами интерпретации исторических событий. В этой ситуации лингвистические акты и использование различных метафор встраиваются в познавательную деятельность историка. Особую методологическую значимость в рамках исторической эпистемологии получает процедура «имплойтмента», основанная на сборке исторических событий в повествование с сюжетными линиями, в результате чего происходит процесс «конструирования» прошлого.

Ключевые слова:

историческое познание, историческая эпистемология, субъект исторического познания, лингвистический поворот в философии, общество, интерсубъективность.

receptions and means which become instruments of interpretation of the historical events is shown. In this situation linguistic acts and the use of various metaphors are built into the cognitive activity of the historian. The special methodological importance within a historical epistemology is received by the procedure of "imployment" based on assembly of the historical events in the narration with subject lines; therefore, there is a process of "designing" of the past.

Keywords:

historical cognition, historical epistemology, subject of historical cognition, the linguistic turn in philosophy, society, intersubjectivity.

С прошлых десятилетий XX века довольно существенно изменились значение и содержание знания о процессах развития общества. Это потребовало воспринимать историческую перспективу в аппроксимации к вопросам познания. Действительно, анализ исторического развития общества требует не только методологического инструментария. Для релевантного описания истории как динамики развития общества, в рамках которой наблюдаются как сингулярность и стохастичность, так и периодически наблюдаемые закономерности и регулярности требует привлечения эпистемологического аппарата и концептуальных положений современных теорий познания. Исследование социокультурных формообразований [1] и последующей концептуализации и реконструкции в рамках философского знания социальной реальности,

рассматриваемой в ее статике и динамике [2], претендует не только на понимание того, что представляют собой объект и процесс исторического исследования, но и нуждаются в исследовании проблемы субъекта исторического познания. Таким образом, в рамках философии истории актуализируется такое направление исследований как историческая эпистемология.

Подчеркнем, что историческая эпистемология рассматривается нами в данной работе как область исследований, где эксплицируются базовые методы и выявляются эвристические принципы рассмотрения и анализа исторического процесса.

Параллельно существует версия исторической эпистемологии, связанная с использованием принципов историзма в науковедческом анализе. Впервые данную позицию стал отстаивать Маркс Вартофский, который, опираясь на ключевые особенности человеческих когнитивных практик, заявил, что «Знание есть предмет исторической эволюции» [3, р. 13].

Также существует философское дисциплинарное направление, связанное с проведением социально-эпистемологических исследований такими учеными как Дэвид Блур (когнитивная социология, выраженная в «сильной программе» британского ученого [4; 5]), Стив Фуллер (интегративно-глобальная программа-перспектива познания социального непосредственно в русле развиваемой им «социальной эпистемологии» [6]) и Элвин Голдман. Последний исследователь указывает на то, что эпистемологии необходимо сохранять свою «инаковость» и независимость от эмпирических «позитивно» ориентированных наук, так как содержание «социальной эпистемологии» наряду с познавательными процедурами включает в себя также и нормативную оценку в отношении истинности и объективности феноменов и процессов, наблюдаемых в социальном мире [7].

В российской философии исследования в данном направлении реализуются в многочисленных трудах и работах И.Т. Касавина. Ученый полагает: «Теоретическое значение социальной эпистемологии определяется центральной ролью общества в процессе формирования знания, а также тем, что главная движущая сила современного общества – это информация, или знание» [8, с. 7]. По представлениям сторонников данного подхода, знание «производится» определенными «социальными силами», и поэтому в своих исследованиях они стремятся идентифицировать их. При этом демаркировать

социальную эпистемологию и историческую эпистемологию довольно сложно, на что в своем обзоре-исследовании обратила внимание М.А. Кукарцева [9].

Повторимся, в нашей работе мы рассматриваем историческую эпистемологию как специфическую дисциплинарную область, как исследовательскую программу, нацеленную на изучение исторического процесса и представления, репрезентации о нем в исторической науке. Иными словами, в рамках исторической эпистемологии изучается специфика истории как вида познавательной деятельности, а также рассматривается проблема объективности знаний об исторических событиях, анализируется статус процедур понимания и объяснения в истории, эвристическая специфика исторической интерпретации и описания, наконец, разрабатываются концептуальные и методологические программы познания исторической динамики. Отдельно следует указать на то, что историческая эпистемология производит методологическую реконструкцию соотношения субъекта и объекта исторического познания.

Следует обратить внимание, что используемый в данной работе термин «историческая эпистемология» не является непосредственным синонимом, калькой термина «историческая теория познания». Историческая эпистемология пытается представить исторический процесс наиболее релевантно и достоверно и, следуя принципу бритвы Оккама, отнюдь не стремиться «преумножать сущности без необходимости», в идеале сторонясь применять различные идеологические и социально-политические конструкты в угоду определенного социального заказа и сиюминутным потребностям, возникающим со стороны социальных институтов и чиновников.

То есть историческая эпистемология пытается быть объективной дисциплинарной областью, максимально ориентированной на истину, на адекватное реальности познание исторических событий. Трудность в следовании по данному пути заключается в том, что вопрос об объективности исторического знания взаимосвязан не только с ситуацией достоверности и релевантности описания исторических событий и исторических фактов, но и связан с проблемой субъекта исторического процесса.

При этом в эпистемологии наблюдается концептуальное различие субъекта эмпирического и субъекта трансцендентального. Именно в последнем субъекте парадоксальным образом сливаются элементы, локализованные

по разным сторонам определенного рубежа, фронтита, включая пределы возможного опыта. Укажем, что субъект трансцендентальный в концептуально-методологических представлениях выступает как базис и источник рационального созидания, конституирования или конструирования того, что субъект эмпирический рассматривает в онтологическом плане как наличествующее объективно, как существующее независимо от познающего сознания. Это, в известном смысле создает определенные методологические контroversы в исторической эпистемологии, попытка разрешить которые была предпринята в рамках так называемого лингвистического поворота в философии.

Лингвистический поворот в философии был «спонтанным действием, вызванным естественным желанием ясности и обосновывающим свою глобальность простой общеупотребимостью языка» [10, с. 45]. По методологической значимости его можно сравнить с поворотом, совершенным Николаем Коперником, в результате чего в естественнонаучной картине мира закрепилась гелиоцентрическая теория. Аналогично благодаря работам таких классиков социально-гуманитарной мысли как Людвиг Витгенштейн («Логико-философский трактат», где язык представлен как картина мира [11]) и Лев Выготский («культурно-историческая теория» [12]) наряду с онтологией физических фактов и явлений произошел процесс легитимации новой онтологии, базирующейся на универсуме значений и смыслов. Последователи указанных мыслителей признали правомерность языковой картины мира и последовательно проводили исследования в данном направлении.

Лингвистический поворот в философии также способствовал трансформации методологических процедур рассмотрения исторического процесса. И эта трансформация настолько преобразила базовые представления об особенностях условий, методов, операций и техник исследования исторического процесса, что вполне можно говорить об изменении самой философии истории как дисциплинарной области. В той философии истории, которую можно назвать «классической», отношения субъекта и объекта в процессе познания особенностей динамики общества представлялись фактически подобными отношениям между субъектом и объектом, сложившимся в классической физике Галилея-Ньютона при исследовании динамики взаимодействия макрообъектов. Так, марксистский исторический материализм, который претендовал на полную «научность» и «объективность», представляет собой

пример методологического подхода, существующего в мировоззренческо-концептуальном пространстве классической философии Модерна.

Однако реалии исторического развития, его драматизм обнажили ряд гносеологических проблем, связанных с тем, что в рамках методологии исторического материализма было затруднительно решить определенные исследовательские задачи: марксистско-ленинская теория и социальная практика иногда существенно расходились. В частности, при использовании в историографии методологии общественно-экономических формаций было практически невозможно объяснить неравномерность исторического процесса в разных частях Земного шара, а также отсутствие определенных стадий социально-экономического развития (рабовладения) у определенных народов. Наличие и разрастание количества таких неразрешимых задач создали в конце XX века ситуацию ренессанса партикуляристских по своей ориентации теорий и концепций локально-цивилизационного развития человеческих сообществ. В частности, в отечественной философии данная ситуация особенно стала заметна после ухода с политической авансцены коммунизма и Советского Союза.

Лингвистический поворот в философии подобен открытию квантово-механических процессов в физике: оба явления способствовали созданию и развитию неклассических картин мира, способствуя развитию парадигмы комплексити (сложности). Качественное усложнение картин мира и в естествознании и в философии связано, прежде всего, с представлениями об их разрастающихся онтологических каркасах. Онтологический каркас физического мира в XX века представлялся состоящим из элементарных частиц и полей, в первом приближении понимаемых как разнообразные возмущения пространства. Онтологический каркас философской картины мира XX столетия также усложнился не только предметами и процессами, но и знаками и смыслами, легитимизируемыми интерсубъективно с помощью языка. Именно такая онтология было положена в основании современной исторической эпистемологии Хайдена Уайта.

Главный тезис Х. Уайта, развиваемый в его работе «Метаистория: историческое воображение в Европе девятнадцатого века» (1973 г. [13], русский перевод 2002 г. [14]) заключался в том, что понимание исторического прошлого детерминировано не только собственными фактами и событиями,

изучая которые ученый пытается ориентироваться на истинность, но и также обусловлено лингвистическим приемами и средствами.

Язык используется историком для реконструкции прошлых событий, поэтому историческое знание в определенном смысле «произведено», «продуцировано», а также «обнаружено» в архивах с помощью (еще раз обратим внимание) лингвистических приемов и средств. При этом литературные приемы «вторгаются» в дисциплинарную область истории. Подобно писателям-фантастам, историки описывают эпохи и исторический процесс в целом, ориентируясь на учетверенную логику «имплойтмента» (сборку исторических событий в повествование с сюжетом). Это зависит от того, как видят они предмет своего исследования: как роман, комедию, трагедию или же сатиру. В свою очередь, научная деятельность историков детерминирована, по мнению Х. Уайта, определенными соответствующими политическими идеологиями – анархической, радикальной, консервативной или либеральной. Важным также является то, что сборка исторических событий и фактов в целостное повествование с сюжетом осуществляется на основе доминирующей риторической тропы – метафоры, метонимии, синекдохи или иронии соответственно. Философами-идеологами такого представления об историческом процессе, по Х. Уайту, соответственно являются Ф. Ницше, К. Маркс, Г.В.Ф. Гегель и Б. Кроче.

В своей более поздней работе Х. Уайт подробно поясняет, как события прошлого избирательно организуются теми, кто стремится описать историческую правду, он настаивает на том, что события бесспорны, и что они неизменно постоянно интерпретируются [15]. События представляют собой своеобразные реперные, базовые точки, вокруг которых выстраивается шкала оценок данных событий. Иначе говоря, вокруг реперных точек историк как субъект исторического познания «плетет» канву представлений об историческом процессе. То есть историк, изучая прошлое, постоянно интерпретирует, конструирует и, в определенном смысле, конституирует его. Тем самым в своих исследованиях Х. Уайт указывает путь критического исторического мышления для нашего противоречивого времени.

Решить в рамках современной философии проблему субъекта исторического познания однозначно не представляется возможным. С одной стороны, как и в любом познавательном процессе, ученый-историк нацелен на получение истинных представлений об исторических событиях. С другой

стороны, в рамках современной исторической эпистемологии проблема субъекта исторического познания связана с проблемой трансцендентного: так как в субъекте парадоксальным образом сталкиваются и взаимодействуют компоненты, локализованные по разным сторонам определенного рубежа, фронтира, включая пределы возможного опыта. Как показал в рамках исторической эпистемологии Х. Уайт, этот опыт детерминирован языком, поэтому лингвистические акты и использование различных метафор встраиваются в познавательную деятельность историка. В результате современные историки все больше осознают, что их знание об истории связано с нарративом, с повествованием, а в процессе «познания исторического» выявляется «интрига» тех или иных исторических событий и фактов. Соответственно происходит переосмысление фигуры субъекта исторического познания, образ которого трансформируется из ученого, строго ориентированного на познание истины, в образ человека, чья исследовательская деятельность и восприятие событий обусловлена социокультурным контекстом и соответствующими темпоральными референциями.

При этом постановка и возможные решения проблемы субъекта исторического познания в рамках исторической эпистемологии коррелирует с важнейшими проблемами современной философии, таким как проблемы коммуникации, интерсубъективности, интертекстуальности, взаимопонимания. В описанной ситуации, безусловно, актуализируется герменевтическая методология в современной историографии как возможный инструментальный достижения понимания, постижения смысловых блоков и элементов, непосредственно ранее непонятных. При этом возникает вполне резонный вопрос о том, что, что является событием в историческом смысле, а что таковым не является, представляя собой дошедшие до нас (и, возможно, искаженные) сведения об определенной исторической эпохе. Для субъекта исторического познания событием становится то, что имеет историческую значимость, что является опорной, реперной точкой для дальнейшего исследования, описания и интерпретации исторического процесса. В связи с этим возникает ряд взаимосвязанных проблем, таких как: рассмотрение субъекта исторического познания в его внутренней темпоральности, рассмотрения его отношении к самому себе и к иному, а также к объектам исследования – фактам, событиям и всему историческому процессу в целом.

В целом, философский анализ исследовательской деятельности субъекта исторического познания, производимый в рамках исторической эпистемологии, выступает и как попытка переосмысления феномена субъективности вообще и как поиск выхода из тупиков субъективизма. Субъект познания в своем стремлении к познанию исторического в данной исследовательской проекции понимается как интегратив, результирующий вектор, в котором переплетаются социокультурные и исторические обстоятельства и детерминанты. При этом особенную роль играет язык, а также литературные приемы и средства, которые становятся инструментами интерпретации исторических событий и (в определенном смысле) конструирования сюжетных линий, представлений об историческом прошлом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петьков В.А. Социокультурные формообразования: философский аспект / В.А. Петьков, А.Д. Похилько, М.А. Губанова // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 3. – С. 34–38.
2. Бакланова О.А. Методологические фреймы современных концептуализаций социальной реальности / О.А. Бакланова, И.С. Бакланов // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 4. – С. 95–100.
3. Wartofsky M.W. Models: Representation and Scientific Understanding / M.W. Wartofsky. – Latzebuerg : Springer Science & Business Media, 2012. – 398 p.
4. Bloor D. Wittgenstein and Mannheim on the sociology of mathematics / D. Bloor // Studies in the History and Philosophy of Science. – 1976 – Part A. – V. 4. – № 2. – Pp. 173–191.
5. Bloor D. Knowledge and social imagery (2nd ed.). – Chicago, Illinois : University of Chicago Press, 1991. – 211 p.
6. Fuller S. Knowledge: the philosophical quest in history / S. Fuller. – London, New York : Routledge, 2015. – 304 p.
7. Goldman A. Epistemics: The Regulative Theory of Cognition / A. Goldman // The Journal of Philosophy. – 1978. – Issue 75. – Pp. 509–523.
8. Касавин И.Т. Социальная эпистемология: понятия и проблемы / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. VII. – № 1. – С. 5–16.
9. Кукарцева М.А. Историческая эпистемология versus социальная? Обзор англоязычных изданий / М.А. Кукарцева // Эпистемология и философия науки. – 2007. – Т. XIII. – № 3. – С. 87–99.

10. Бакланов И.С. Знание в аналитической перспективе исследований / И.С. Бакланов // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». – 2016. – № 1. – С. 44–47.
11. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М. : АСТ, 2018. – 160 с.
12. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М. : Национальное образование, 2016. – 368 с.
13. White H. Meta-history: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe / H. White. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1973. – 464 p.
14. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / Х. Уайт. – Екатеринбург : Уральский университет, 2002. – 528 с.
15. White H. The Practical Past / H. White. – Evanston : Northwestern University Press, 2014. – 117 p.

REFERENCES

1. Pet'kov V.A., Pohil'ko A.D., Gubanova M.A. Sociokul'turnye formoobrazovaniya: filosofskij aspekt [Sociocultural form-formation: the philosophical aspect]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura = Society: philosophy, history, culture*. 2015, no. 3, pp. 34–38. (In Russian).
2. Baklanova O.A., Baklanov I.S. Metodologicheskie frejmy sovremennyh konceptualizacij social'noj real'nosti [Methodological frames of modern conceptualizations of social reality]. *Jekonomicheskie i humanitarnye issledovanija regionov = Economic and humanitarian studies of the regions*. 2015, no. 4, pp. 95–100. (In Russian).
3. Wartofsky M.W. *Models: Representation and Scientific Understanding*. Latzebuerg : Springer Science & Business Media, 2012. 398 p.
4. Bloor D. Wittgenstein and Mannheim on the sociology of mathematics. *Studies in the History and Philosophy of Science*. 1976, Part A, no. 4 (2), pp. 173–191.
5. Bloor D. *Knowledge and social imagery* (2nd ed.). Chicago, Illinois : University of Chicago Press, 1991. 211 p.
6. Fuller S. *Knowledge: the philosophical quest in history*. London, New York : Routledge, 2015. 304 p.
7. Goldman A. Epistemics: The Regulative Theory of Cognition. *The Journal of Philosophy*, 1978, Issue 75, pp. 509–523.
8. Kasavin I.T. Social'naja jepistemologija: ponjatija i problemy [Social Epistemology: Concepts and Problems]. *Jepistemologija & filosofija nauki = Epistemology & Philosophy of Science*, 2006, Vol. VII, no. 1, pp. 5–16. (In Russian).

9. Kukarceva M.A. Istoricheskaja jepistemologija versus social'naja? Obzor anglo-jazychnyh izdanij [Historical Epistemology Versus Social? Review of English-Language Publications]. *Jepistemologija & filosofija nauki = Epistemology & Philosophy of Science*, 2007, Vol. XIII, no. 3, pp. 87–99. (In Russian).

10. Baklanov I.S. Znanie v analiticheskoj perspektive issledovanij [Knowledge in the Analytical Perspective of Research]. *Nauchnyj vestnik Gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija vysshego professional'nogo obrazovanija "Nevinno-mysskij gosudarstvennyj gumanitarno-tehnicheskij institut" = Scientific Bulletin of the State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education "Nevinnomyssk State Humanitarian-Technical Institute"*, 2016, no. 1, pp. 44–47. (In Russian).

11. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskij traktat* [Logico-philosophical treatise]. Moscow : AST [AST Publishing House], 2018. 160 p. (In Russian).

12. Vygotskij L.S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speaking]. Moscow : Nacional'noe obrazovanie [Scientific education], 2016. 368 p. (In Russian).

13. White H. *Meta-history: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe*. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1973. 464 p.

14. White H. *Metaistorija: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX v.* [Meta-history: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe]. Ekaterinburg : Ural'skij universitet [Ural University], 2002. 528 p. (In Russian).

15. White H. *The Practical Past*. Evanston : Northwestern University Press, 2014. 117 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бакланов И.С. Проблема субъекта исторического познания: философский анализ / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 24–34.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Baklanov I.S., Baklanova O.A. The problem of the subject of historical cognition: philosophical analysis / I.S. Baklanov, O.A. Baklanova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2018, vol. 1, iss. 1, pp. 24–34. (In Russian).